

© 2015 г.

П.П. ЧЕРКАСОВ

РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 года

Польша с давних пор была камнем преткновения в отношениях России с Францией. Для Москвы, как позднее и для Петербурга, Речь Посполитая была историческим противником, с которым Россия с конца XVI в. вела непрерывные войны. В то же самое время Польша являлась давним историческим союзником Франции, важнейшим элементом так называемого “восточного барьера” (Швеция, Польша, Турция). Воздвигнутый французской дипломатией на рубеже XVI–XVII вв. первоначально для противодействия гегемонистским устремлениям испанских и австрийских Габсбургов, “восточный барьер” с начала XVIII столетия приобрел и антироссийскую направленность – с целью сдерживания экспансии России в восточноевропейском и черноморско-балканском направлениях.

Обе страны – Францию и Польшу – связывали тесные политические и династические узы. Один из сыновей Екатерины Медичи, Генрих Анжуйский, в 1573 г. был даже избран королем Польши, откуда через год, обманув поляков, тайно бежал во Францию, где открылась более привлекательная вакансия и где он стал править под именем Генриха III. Спустя полтора столетия, в 1725 г., 15-летний Людовик XV по настоянию тогдашнего регента герцога Бурбонского сочетался браком с 22-летней Марией Лещинской, дочерью изгнанного русскими из Польши короля Станислава. А спустя еще 20 лет дочь короля Польши Августа III Саксонского стала супругой дофина, наследника французского престола.

Франция неоднократно – хотя и не всегда последовательно, но всегда демонстративно – выступала защитницей Польши от покушений на ее территориальную целостность со стороны более сильных соседей – России, Австрии и Пруссии. Тем не менее по разным причинам она не предприняла никаких решительных действий, чтобы не допустить ликвидации Польши как независимого государства в результате трех ее разделов – в 1772, 1793 и 1795 гг. “Франция, – отмечал французский историк, – не всегда проводила в отношении Польши политику рыцарской дружбы и бескорыстия, как это услужливо повторяет пропаганда, заботящаяся лишь о том, чтобы увековечить полезное вопреки истине... Министры наших королей имели в виду исключительно интересы своей страны и никогда не руководствовались соображениями сентиментального свойства. Они были хорошо информированы о том, что происходит в Польше; они холодно осуждали происходящее там и оказывали ей поддержку в самой незначительной степени”¹.

Черкасов Петр Петрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ *Martel R. La France et la Pologne. Réalités de l’Est Européen. Paris, 1931, p. 3, 6.* Р. Мартель имеет в виду хроническую анархию, царившую в Польше вследствие непрекращавшейся борьбы между магнато-шляхетскими кланами, нередко инициировавшими иностранные вмешательства. “Нужно ли после этого удивляться, – резюмировал Мартель, – что Польша была средством, а не целью, объектом сделок, разменной монетой даже для Франции”. – *Ibid.*, p. 4.

Даже Наполеон с его попыткой создания герцогства Варшавского (1807–1815 гг.) как прообраза возрожденной Польши преследовал прежде всего интересы своей империи. Польша, во всяком случае до 1812 г., была для него разменной монетой в игре с Александром I, в переговорах с которым он неоднократно увязывал польский вопрос с женитьбой на младшей сестре царя, в чем, как известно, ему было отказано.

Как у самого императора французов, так и у его сподвижников, можно найти немало свидетельств того, что Наполеон не рассматривал всерьез восстановление Польши в ее исторических границах и в ее былом значении. Она могла быть лишь составной частью наполеоновской империи.

Как бы то ни было, поляки, принявшие самое активное участие в походе Великой армии в Россию, навсегда остались признательны Наполеону и Франции за отмену крепостного права, ликвидацию сословного неравенства и введение Гражданского кодекса (“Кодекса Наполеона”) на территории герцогства Варшавского. Они искренне верили в то, что Наполеон поможет им возродить независимую Польшу в ее прежнем величии.

В то время как во внешней политике Франции польский вопрос всегда был подчинен собственным государственным интересам, диктовавшим постоянные компромиссы с другими участниками “европейского концерта” держав, во французском гражданском обществе издавна существовала искренняя солидарность с народом Польши, мечтавшим о национальной независимости. Такое противоречие в полной мере проявилось во время польского восстания 1830–1831 гг.

Франция, отвергнувшая в июле 1830 г. режим Реставрации Бурбонов, требовала от “короля-гражданина” Луи-Филиппа и его правительства решительной поддержки восставших поляков. Однако пришедшие к власти либералы и сам король, озабоченный устойчивостью своего “республиканского трона”, не пошли навстречу общественным настроениям. Выразив осторожное осуждение карательных действий русских войск в Польше, Июльская монархия этим и ограничилась, отвергнув саму возможность военного вмешательства в дела “русской” Польши. Глава либерального кабинета Казимир Перье заявил 11 сентября 1831 г. в Палате депутатов: “Франция никому не даст права принуждать себя сражаться за другой народ; французская казна, как и французская кровь, принадлежат только Франции”². При голосовании большинство депутатов – 214 человек – поддержало позицию правительства. За оказание военной и иной помощи восставшим полякам высказался 161 депутат. Таким образом, преобладавшие во французском обществе полонофильские настроения не нашли поддержки у правительственного большинства Палаты депутатов.

После подавления польского восстания многие из его участников нашли убежище во Франции, где встретили самый радушный прием со стороны общества. Польская диаспора, численность которой возросла до 5 тыс. человек, развернула энергичную пропаганду в пользу независимости Польши, что служило предметом постоянных выяснений отношений между русским посольством в Париже и французским министерством иностранных дел. Кабинет Луи-Филиппа, как мог, пытался ограничить чрезмерную активность польской эмиграции, но должен был считаться с общественными настроениями.

В поддержку поляков выступали не только левые либералы и республиканцы, но и клерикалы, озабоченные притеснениями католической и униатской церковью в Царстве Польском, на Украине и в Белоруссии. Свидетельством общественного внимания к польскому делу стало открытие в 1840 г. в Коллеж де Франс кафедры славянских языков и литературы, которую в течение четырех лет возглавлял классик польской литературы Адам Мицкевич.

Вторая империя, пришедшая на смену Июльской монархии и эфемерной Второй республике, унаследовала среди прочего и устойчивые полонофильские настроения в обществе. Народная монархия, провозглашенная Наполеоном III, в еще большей сте-

² Ibid., p. 33.

пени, чем либеральная Июльская, вынуждена была считаться с этими настроениями. Многие, прежде всего в Польше, да и в самой Франции надеялись, что Луи-Наполеон продолжит дело восстановления польской государственности, начатое его дядей в 1807 г.

Но Наполеон III оказался не меньшим прагматиком, чем его великий предшественник. Возрождение Франции, освобождение ее от ограничений Венского договора 1815 г. были для него несравнимо более важным делом, чем забота о несчастной Польше. После Крымской кампании и победы над Россией в 1856 г. он попытался было поднять польский вопрос на Парижском конгрессе, но, встретив твердый отпор со стороны молодого императора Александра II, отказался от своего намерения. В то время Наполеон III начал разыгрывать “русскую карту”, надеясь склонить царя к поддержке своих экспансионистских притязаний в Европе в рамках взятого им курса на достижение “согласия” с Россией. В активе начатого по взаимному желанию сближения к 1863 г. уже появились определенные достижения. Это – и обнадеживающее согласование позиций в подходе к так называемому Восточному вопросу, в частности, на Балканах (в Черногории и Сербии). Это – и благожелательный в отношении Франции нейтралитет России в австро-франко-сардинской войне 1859 г., облегчивший Наполеону III последующую аннексию Савойи и Ниццы.

Тем не менее император французов, поставив под угрозу политику наметившегося “согласия” с Россией, продолжал раздражать царя разговорами о судьбе “многогосударственной Польши”. Так, в марте 1861 г. на обеде в Тюильри император, заведя разговор с русским послом графом П.Д. Киселевым о волнениях в Польше, философски изрек: “В наше время чрезмерная суровость способна лишь разжигать страсти; репрессии вызывают ответную реакцию”³.

Эту же мысль полтора месяца спустя Наполеон III повторил в личном письме Александру II, заверив царя, что распространяемые слухи о соучастии французских “агентов” и французского “золота” в разжигании беспорядков в Польше не соответствуют действительности. Одновременно Наполеон просил Александра понять затруднительность своего положения по той причине, что во Франции существуют “давние симпатии” к Польше⁴.

Осторожная настойчивость Наполеона III в польском вопросе во многом объяснялась как исторической традицией французской солидарности с поляками, так и давлением, которое он постоянно ощущал в своем ближайшем окружении, где образовалось нечто вроде польской партии, зачастую составленной из людей, лично ненавидевших друг друга, таких, например, как “красный принц” Наполеон-Жером и императрица Евгения.

Кузен императора был дружен не только с республиканцами, но и с польской эмиграцией, чьим “адвокатом” слыл в общественных кругах, используя любую возможность, чтобы высказаться в защиту “угнетенной Польши”. Принц Наполеон не изменил этой привычке даже на встрече с Александром II в Варшаве в сентябре 1858 г., чем возмутил царя и сорвал подписание ряда важных документов, подготовленных министром иностранных дел России князем А.М. Горчаковым и французским послом в Петербурге герцогом Луи Наполеоном де Монтебелло. И Горчаков, и сам император Александр пребывали в недоумении: высказал ли принц собственное мнение или это мнение Наполеона III?

По-своему о Польше радела и французская императрица Евгения, озабоченная положением польских католиков. Конечно, она делилась с супругом не только своими

³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 133, оп. 469, 1861, д. 121, л. 159об. Киселев – Горчакову, 14 марта 1861 г.

⁴ Там же, д. 60, л. 3–4об. Личное письмо Наполеона III от 30 апреля 1861 г. В ответном письме от 11 мая (н.с.) Александр II обратил внимание императора французов на то, что антирусские настроения в связи с волнениями в Польше подогреваются не только французской печатью, но и ближайшим окружением Наполеона, что вносит “элемент разлада между нами”, чего никак нельзя допустить. – Там же, л. 7об – 9об.

личными опасениями. Императрицу не без оснований считали во Франции покровительницей клерикалов, которые настаивали на более решительной защите интересов католической церкви, будь то в Италии, в Мексике⁵ или в Польше. Клерикалы, идейным рупором которых был известный литератор Шарль Форб граф де Монталамбер, напрямую связывали дело католицизма с независимостью Польши⁶.

В разговорах с русским послом Киселевым на тему Польши императрица Евгения могла себе позволить говорить более откровенно, чем Наполеон III. На аудиенции, данной Киселеву 16 октября 1862 г., она среди прочего сказала: “Если бы спросили меня, я посоветовала бы оставить поляков самим себе, предоставив им выбрать себе короля. Россия при своем могуществе всегда будет стоять выше, будет сильнее и у себя, и в отношении других; всякие другие мнимые примирения, которые выдумают, не установят прочного спокойствия, столь желаемого Европою и которого тоже должна желать и Россия. Я говорю в интересах Польши и в то же время в интересах России и Европы”⁷.

Со своей стороны и посол Киселев, и сменивший его в октябре 1862 г. в Париже барон А.Ф. Будберг многократно обращали внимание французского правительства, да и самого императора Наполеона на подстрекательскую и ничем не ограниченную деятельность польской эмиграции во Франции по разжиганию антирусских настроений. Под давлением этих настойчивых представлений министерство иностранных дел и парижская префектура полиции были вынуждены время от времени вмешиваться и принимать определенные ограничительные меры против наиболее радикально настроенных польских эмигрантских организаций, направлявших своих эмиссаров в Польшу для возбуждения там беспорядков. Так, осенью 1862 г. французская полиция пресекла деятельность одной из эмигрантских групп, наладивших канал поставки оружия и пропагандистской литературы в Польшу. По этому поводу наместник в Царстве Польском великий князь Константин Николаевич просил российское посольство передать свою благодарность императору Наполеону III⁸.

В начале января 1863 г. полиция задержала в Париже трех поляков, один из которых, Игнатий Шмиелевский, подозревался в подготовке покушения на жизнь великого князя Константина Павловича в Варшаве в июле 1862 г. Он был арестован, а двое других – в 24 часа высланы за пределы Франции⁹.

⁵ В 1862 г. Наполеон III, подталкиваемый клерикалами, ввязался в пятилетнее авантюрное предприятие в Мексике, направив туда 40-тысячный экспедиционный корпус для поддержки эрцгерцога Максимилиана Габсбургского, провозгласившего себя императором, защитником католицизма против безбожников-республиканцев. В более широком плане речь шла о намерении Наполеона III, воспользовавшись Гражданской войной в США, распространить французское влияние не только на Мексику, но и на всю Южную Америку. Об этом см: *Lecaillon J.-F. Napoléon III et le Mexique. Horizons Amérique Latine.* Paris, 1994; *Avenel J. La campagne du Mexique (1862–1867).* Paris, 1996; *Goultman A. La guerre du Mexique (1862–1867). Le mirage américain de Napoléon III.* Paris, 2008.

⁶ *Montalambert Ch.F. de. Une nation en deuil, la Pologne en 1861.* Paris, 1862.

⁷ Исторический вестник, 1882, № 3, с. 680. “Я ответил, что понимаю ее заключительную мысль, – писал Киселев об этом разговоре с императрицей Евгенией. – Все выиграют, кроме России, которая не может отказаться от царства (Польского. – П. Ч.) ни в интересах поляков, ни в интересах западных держав. Чтобы это уяснить, надо рассмотреть общее положение дел. Поляки и русские, две ветви одного славянского племени, борются в течение шести веков; поляки имели успехи; они господствовали в Москве, как теперь русские господствуют в Варшаве; жалобы папы отчасти справедливы по причине строгих, иногда произвольных мер в предпрощенное царствование; но не надо терять из виду, что все эти строгости были последствием духа пропаганды католического духовенства, которое считало православных за язычников и старалось их обратить в лоно истинной, по их мнению, церкви; от этого произошли преследования, на которые жалуется св. отец. Пусть оставят прозелитизм, и они избегнут мер предупредительных, к которым нас заставляют прибегать”. – Там же, с. 680–681.

⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1862 г., д. 111, л. 89.

⁹ Там же, 1863 г., д. 118, л. 14. Будберг – Горчакову, 11 января 1863 г.

Но это были лишь отдельные группы среди множества других, готовивших восстание в Польше, которые продолжали действовать, усилив меры конспирации. То, что восстание неизбежно, российское посольство в Париже предупреждало Петербург с октября 1862 г. Называлась даже точная дата – 29 ноября 1862 г., приходившаяся на очередную годовщину начала восстания 1830 г.¹⁰

В первых числах декабря 1862 г. один из тайных осведомителей посольства, некий М. Леруа назвал новое время выступления заговорщиков – конец января 1863 г. Он же сообщил, что восстание готовит Центральный национальный комитет (ЦНК), часть членов которого проживают в Париже¹¹. В полученной информации был указан их точный адрес.

Посол Будберг, не раскрывая, разумеется, имени осведомителя, сообщил префекту парижской полиции о подготовке восстания, потребовав арестовать заговорщиков, намеревавшихся со дня на день отправиться из Парижа в Варшаву. В ночь с 20 на 21 декабря полицейский наряд явился по указанному адресу, и там были задержаны четверо поляков, оказавшихся членами военной комиссии ЦНК. Среди них был и “чрезвычайный комиссар” ЦНК Годлевский.

Из найденных на квартире бумаг следовало, что арестованные члены военной комиссии занимались отправкой в Польшу оружия для повстанцев, а само оружие поступало из Англии. Подготовленная ими очередная партия должна была быть переправлена до конца декабря через Пруссию¹².

Информация о предстоящем восстании в Польше, заблаговременно полученная российским посольством в Париже, подтвердилась. 22 января 1863 г. вооруженные отряды польских повстанцев предприняли скоординированное нападение на гарнизоны русской армии, рассредоточенные по территории Царства Польского. Поводом к восстанию, продолжавшемуся 16 месяцев, стал рекрутский набор, объявленный главой гражданской администрации при царском наместнике маркизом Александром Велепольским, хотя причины этого восстания, разумеется, были куда глубже¹³.

Революционный взрыв со всей очевидностью свидетельствовал и о провале либерального курса, проводившегося назначенным в июне 1862 г. наместником Царства Польского великим князем Константином Николаевичем и его ближайшим сподвижником Велепольским. Поляки ясно дали понять, что никакие либеральные послабления не способны заставить их отказаться от мечты о национальном возрождении Польши¹⁴.

¹⁰ Там же, 1862 г., д. 11, л. 456. Убри – Горчакову, 28 октября 1862 г. Полученную от поверенного в делах в Париже П.П. Убри секретную депешу Александр II немедленно распорядился передать главному начальнику Третьего отделения, шефу жандармов князю В.А. Долгорукову.

¹¹ Там же, л. 284–285. Убри – Горчакову, 6 декабря 1862 г.

¹² Там же, л. 350–351. Убри – Горчакову 24 декабря 1862 г.; д. 109, л. 531–536об. Будберг – Тегубскому, 2 января 1863 г. К последней депеше была приложена копия отчета префектуры парижской полиции от 23 декабря 1862 г., адресованная, по всей видимости, министерству внутренних дел Франции.

¹³ В восстании, охватившем, помимо собственно Польши, отдельные районы юго-западного (Украина) и северо-западного (Литва и Белоруссия) краев Российской империи, приняли участие около 80 тыс. человек. Численность русских войск, привлеченных к подавлению восстания, превысила 160 тыс. солдат и офицеров. Восстание 1863 г. в Польше является самостоятельной темой, ее раскрытие не входит в задачу автора, которого интересует лишь влияние этого восстания на русско-французские отношения. См.: *Брянцев П.Д.* Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892; *Мосолов А.Н.* Виленские очерки 1863–1864 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898; *Сидоров А.А.* Польское восстание 1863 года. Исторический очерк. СПб., 1903; *Ревуненков В.Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957; *Миско М.В.* Польское восстание 1863 года. М., 1962.

¹⁴ Грозным предвестником вооруженного взрыва в Польше стало неудачное покушение на жизнь великого князя Константина Николаевича 4 июля 1862 г. и две попытки убийства маркиза Велепольского – 26 июля и 3 августа 1862 г.

О первой реакции в Петербурге на события в Польше посол Франции герцог де Монтебелло проинформировал Париж 30 января 1863 г. В депеше, адресованной министру иностранных дел Э. Друэн де Люису¹⁵, он писал о полученном здесь сообщении, согласно которому в ночь с 22 на 23 января в ряде гарнизонов в Царстве Польском произошло скоординированное массовое убийство русских солдат, застигнутых врасплох в своих казармах¹⁶.

Монтебелло посетил по этому поводу вице-канцлера А.М. Горчакова. «Я не скрыл от князя Горчакова, – докладывал посол, – что в Европе эти события могут произвести плохое впечатление, а пресса, благосклонная к полякам, о чем ему хорошо известно, постарается представить это дело таким образом, что правительство (России. – П. Ч.) окажется провокатором, а повстанцы – жертвами». Вице-канцлер, по словам Монтебелло, согласился с ним, добавив, что «ожидает именно такой трактовки», но со своей стороны может сказать совершенно определенно, что речь идет о «попытке государственного переворота».

С самого начала восстания в Польше российское посольство в Париже внимательно отслеживало, как реагируют на развитие событий в Тюильри и в обществе. «Невозможно не признать, – сообщал барон Будберг в личном письме Горчакову, – что польское дело встречает здесь многочисленные симпатии, с чем не может не считаться правительство». Судя по имеющейся информации, продолжал посол, «император Наполеон может предпринять в отношении нас демарш в пользу Польши»¹⁷.

Однако Наполеон III не стал спешить с демаршем. По всей видимости, он пока еще не предвидел того размаха, которое может принять польское восстание. Поначалу императору французов казалось, что речь идет о локальных выступлениях, каких в Польше было немало за последние годы и которые довольно быстро подавлялись на местах. Именно поэтому первая официальная реакция тюильрийского кабинета, представленная в выступлении государственного министра Адольфа Бильо в Законодательном корпусе 5 февраля 1863 г., была весьма сдержанной. Министр сказал, что правительство Франции рассматривает волнения в Польше как не более чем революционную вспышку, «что было в его устах почти синонимом слова “преступную”»¹⁸.

По этой же причине Наполеон III первое время ограничивался осторожными предостережениями в адрес России. Во всяком случае при встречах с Будбергом император выражал свою «обеспокоенность» и высказывал пожелания избегать в Польше применения «чрезвычайных мер»¹⁹.

Но уже тогда, в самом начале восстания, как сообщал Будберг в Петербург, Наполеон III подвергся сильнейшему давлению со стороны общества, единодушно

¹⁵ Эдуард Друэн де Люис (1805–1881) – дипломат и политический деятель, чьи взгляды претерпели эволюцию от леволиберальных до консервативных. В годы Июльской монархии и Второй республики избирался в парламент, четыре раза занимал пост министра иностранных дел (1848–1849, 1851, 1852–1855 и 1862–1866 гг.). На заключительном этапе Крымской войны высказывался против выдвижения чрезмерных требований к России – таких, в частности, как «нейтрализация» Черного моря. В середине 60-х годов выступал за тесное взаимодействие с Австрией против попыток объединить Германию под главенством Пруссии. Будучи несогласным с позицией Наполеона III, не разглядевшего тогда потенциальной угрозы со стороны Пруссии, в августе 1866 г. вынужден был выйти в отставку. В Архиве министерства иностранных дел Франции есть служебное досье Друэн де Люиса. – Archives des Affaires Étrangères (далее – ААЕ), Personnel, 1-re série, № 1365. О нем см.: *Harcourt B. d'. Les Quatre Ministères de M. Drouyn de Lhuys*. Paris, 1882; *Dictionnaire des Ministres des Affaires étrangères 1589–2004*. Préface de M. Barnier. Paris, 2005, p. 334–339.

¹⁶ Полный текст депеши см. ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1863, v. 230, fol. 77–81 verso. Монтебелло – Друэн де Люису, 30 января 1863 г.

¹⁷ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 120, л. 34об., 36. Будберг – Горчакову, 29 января 1863 г.

¹⁸ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса, т. II. М., 1947, с. 235.

¹⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 120, л. 42–43. Будберг – Горчакову, 9 февраля 1863 г.

поднявшегося на защиту поляков. На одной из встреч с русским послом император откровенно признался, что находится в крайне затруднительном положении: с одной стороны, опора на общественное мнение – это важнейшее условие устойчивости возглавляемого им режима; с другой – его личные и политические устремления направлены на то, чтобы сохранить добрые отношения с императором Александром. Если в ближайшее время Польша каким-то образом не успокоится, подчеркнул Наполеон, “я предвижу, что мое правительство не сможет остаться индифферентным к тому, что там происходит”²⁰.

Для того чтобы укрепить позицию Будберга в его контактах с императором Наполеоном, князь Горчаков снабжал посла всей необходимой информацией и дополнительной аргументацией для обоснования действий России в Польше. В одной из зашифрованных телеграмм, адресованных Будбергу, вице-канцлер подчеркивал, что “Польша становится пробным камнем в оценке ценности нашего союза с Наполеоном”²¹.

В противовес тому, что писала о ситуации в Польше французская печать, Горчаков заверял посла в Париже, что эта ситуация находится под контролем (что не соответствовало действительности) и в самом недалеком будущем будет нормализована; только после этого можно будет говорить о милосердии и амнистии организаторов и участников восстания, к чему призывает император Наполеон²².

В личном письме, одобренном Александром II, Горчаков представил Будбергу развернутую аргументацию для бесед с Наполеоном по польскому вопросу. Посол должен был внушить императору французов, что есть три Польши. Одна – мятежная, представленная революционерами (“мадзинистами”), стремящимися посеять хаос. Другая – аристократическая, озабоченная исключительно собственными интересами. “Есть еще и третья Польша, – писал Горчаков. – Это простые земледельцы, которые признают то благо, которое сделало для них правительство и которые спонтанно поддерживают его в моменты потрясений. Их здравые, но слабые голоса не так слышны, как другие, но не подлежат сомнению, что они не имеют ничего общего с зачинщиками нынешних волнений... Именно эта Польша имеет право на симпатии и поддержку Императорского правительства, и именно она дорога сердцу Императора”²³.

Будберг должен был напомнить Наполеону, что у России есть еще и горький опыт в отношении своенравной и эгоистичной польской аристократии, которая не захотела воспользоваться плодами дарованной Польше Александром I конституции, оставившей за Царством Польским ряд государственных институтов, включая национальную армию. В 1830 г. мятежники спровоцировали эту армию поднять оружие против наследника того, кто даровал Польше конституцию. “Этот опыт слишком дорого обошелся и Польше, и России, чтобы позволить повторить его вновь”, – резюмировал Горчаков, рекомендовавший Будбергу при первой же возможности ознакомить с содержанием своего письма Наполеона III²⁴. Посол, разумеется, исполнил пожелание министра, но резоны Горчакова не произвели на Наполеона ожидаемого впечатления.

Император французов испытывал растущее давление не только со стороны общества, но и своей семьи. Слева на него давил принц Наполеон с его, по выражению Будберга, “экстравагантной программой” оказания немедленной помощи восставшим полякам. Справа – императрица Евгения с ее горячей приверженностью делу католи-

²⁰ Там же, д. 118, л. 207–208об. Будберг – Горчакову, 25 февраля 1863 г.

²¹ Там же, д. 121, л. 88. Шифрованная телеграмма Горчакова от 14 февраля (с.с.) 1863 г.

²² Там же, л. 88об., 119, 157–157об. Шифрованные телеграммы Горчакова от 14, 24 февраля и 22 марта (с.с.) 1863 г.

²³ Там же, д. 122, л. 18об. – 19. Личное письмо Горчакова – Будбергу, 14 февраля (с.с.) 1863 г. В оценке польской ситуации Горчаков был прав в том смысле, что главной силой восстания были шляхта, студенчество и городские разночинцы. “В 1863 г., как и в 1830 г., движение не охватило всю нацию, – отмечал Мартель. – В своей массе польский народ, крестьянство остались к нему равнодушны”. – *Martel R. Op. cit.*, p. 39–40.

²⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 122, л. 21об.

цизма. Обо всем этом русскому послу доверительно сообщал сводный брат императора Наполеона герцог де Морни, пытавшийся спасти оказавшееся под угрозой франко-русское согласие и призывавший императора к сдержанности²⁵.

Русофилу Морни, женатому на княжне Трубецкой, стало крайне трудно продолжать свои попытки давления на императора, после того как неожиданно для Франции и других участников “европейского концерта”, Россия и Пруссия 8 февраля 1863 г. заключили в Петербурге конвенцию о совместной борьбе с польским восстанием, причём инициатива в этом вопросе исходила от Берлина²⁶.

Подписанная против воли Горчакова, уступившего настойчивому желанию Александра II укрепить монархическую солидарность с Пруссией, конвенция оправдала опасения вице-канцлера, настроив против России три великие державы – Англию, Австрию и Францию, вступивших в секретные переговоры о согласованных действиях в связи с ситуацией в Польше.

8 февраля 1863 г. произошло то, чего больше всего опасался Горчаков, – польский вопрос из внутрисоссийского, на чем всегда настаивал Петербург, превратился в проблему международную. В Европе неожиданно вспомнили о том, о чем прежде предпочитали не говорить, – о нарушении Николаем I, отменившим в 1831 г. польскую конституцию, условий Венского мира 1815 г., относившихся к автономному статусу Польши в составе Российской империи.

Наполеон явно не желал портить отношения с Александром. Пока его министр иностранных дел Друэн де Люис проводил консультации с британским и австрийским послами по вопросу положения в Польше, император выслушивал мнения других своих помощников о дальнейших действиях в отношении России.

О том, что происходило на заседаниях совета министров, один из его участников, герцог де Морни, рассказывал барону Будбергу. Сам Морни на заседании, состоявшемся в середине февраля 1863 г., высказался за невмешательство в польские дела, полагая недопустимым официально поощрять повстанцев. Его мнение поддержал Друэн де Люис, считавший, что открытая солидарность с восставшими поляками может быть воспринята как недвусмысленная поддержка Францией революционных выступлений в других странах Европы. Эжен Руэр, министр сельского хозяйства, торговли и общественных работ, в принципе присоединился к двум своим коллегам, но при этом обратил внимание на необходимость учитывать господствующие в обществе либеральные настроения, а они были исключительно полонофильскими.

Решительное несогласие с Морни и Друэн де Люисом высказал министр внутренних дел граф Виктор де Персиньи, выступивший с самой резкой критикой петербургской конвенции от 8 февраля и потребовавший достойного ответа на сговор двух держав. Кроме того, Персиньи увязал позицию Франции в польском вопросе с предстоявшими в конце мая – начале июня 1863 г. выборами в Законодательный корпус. Правительство, по его убеждению, не может игнорировать всеобщих настроений в обществе в пользу поляков, иначе оно потеряет доверие избирателей и проиграет выборы.

Выслушав все мнения, Наполеон III призвал к взвешенной оценке происходящих событий, предупредив о недопустимости скоропалительных решений, которые могли бы связать руки Франции. Вместе с тем император признал существование связи меж-

²⁵ Там же, л. 75. Будберг – Горчакову, 27 февраля 1863 г.

²⁶ Отто фон Бисмарк, глава прусского кабинета, который давно вынашивал план объединения Германии, предвидел сопротивление этим намерениям со стороны других европейских держав, прежде всего Австрии и Франции. В своей дипломатической игре он сделал ставку на императора Александра II, ловко используя его пруссофильские настроения. Протянув России руку помощи в трудный для нее момент, Бисмарк надеялся также расстроить русско-французское согласие, опасное для успешной реализации его амбициозных планов. Он ни минуты не сомневался в том, что Франция неизбежно выступит на стороне восставших поляков, и не ошибся в своем прогнозе.

ду событиями в Польше и предстоящей во Франции избирательной кампанией. В этом смысле подконтрольные и близкие к правительству газеты и журналы должны были “дать определенное удовлетворение настроениям либеральной общественности”²⁷.

Наполеон продолжал консультации с русским послом, справедливо полагая, что сговор России с Пруссией изменил прежние подходы к положению в Польше, поставив другие европейские державы перед необходимостью реагировать на интернационализацию польского вопроса. Об этом Наполеон откровенно сказал Будбергу 9 марта на данной послу аудиенции²⁸.

“Вы могли убедиться, – начал разговор император, – что в начале восстания я старался держаться в стороне от этого дела, которое непосредственно меня не затрагивало. Теперь же, с его развитием, все осложнилось. Мне будет невозможно уклониться от дипломатического демарша. Поверьте, у меня нет намерения сориться с Россией, но я, как и Англия²⁹, не могу поступить иначе, потому что это польское дело, вызвав большое волнение в Европе, приобрело общеевропейский характер. Я говорю вам это совершенно откровенно, так как не вижу никакой возможности избежать подобного демарша. Я нахожусь во главе правительства, которое должно считаться с общественным мнением, особенно в тех случаях, когда оно выражается столь единодушно”.

Будберг обратил внимание Наполеона на сомнительность ссылок британского кабинета на Венский договор 1815 г., который, как известно, “был направлен, прежде всего, против Франции”³⁰.

“Безусловно, договор 1815 г. был заключен против Франции, – живоотреагировал император, – и мы не заинтересованы в том, чтобы он был увековечен. Но польские дела силой обстоятельств приобрели общеевропейский характер³¹, и я не могу не признать, что они становятся объектом европейского согласия”.

Русский посол попытался парировать утверждение Наполеона относительно общеевропейского значения восстания в Польше. “Но тогда какую интерпретацию, по-вашему, можно было бы ему дать?” – спросил император.

Будберг предложил посмотреть на проблему иначе. Вот если восстание выйдет за пределы Польши, сказал он, чего, разумеется, никто не хочет, то тогда оно приобретет “европейский характер”, а пока речь идет исключительно о внутреннем деле России. Именно по этой причине, подчеркнул посол, император Александр никогда не согласится обсуждать польский вопрос на международной конференции, как того хотел бы кое-кто в Европе.

“Мне говорят, – заметил Наполеон, – что многие русские считают, что их страна только выиграет, если освободится от Польши”.

“Сир, если среди русских и есть такие люди, то могу вас уверить, что во всех странах можно найти людей, рассуждающих о вопросах, в которых они не разбираются”, –отреагировал Будберг. И чтобы не оставлять у императора французов ни малейшей иллюзии относительно намерений Александра II, посол продолжил: “Сир, всякая попытка восстановить независимое Польское королевство не оставит России другого выхода, как мобилизовать все силы для того, чтобы подавить ее”.

“Но это еще не все, что я хотел сказать!”, – воскликнул Наполеон и развернул перед Будбергом заманчивую, как ему представлялось, перспективу получения Россией

²⁷ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 118, л. 160–161. Будберг – Горчакову, 21 февраля 1863 г.

²⁸ Содержание состоявшегося между ними разговора посол изложил в отчете Горчакову. – АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 118, л. 255об. – 266. Будберг – Горчакову, 11 марта 1863 г.

²⁹ Либеральный кабинет Пальмерстона предложил европейским правительствам совместно выступить с осуждением действий России в Польше, обвинив ее в нарушении Венского договора 1815 г.

³⁰ На полях депеши Александр II сделал в этом месте помету “très bien” (“очень хорошо”).

³¹ “Но кто ему придал этот европейский характер, как не он сам!”, – написал о Наполеоне на полях депеши Александр II.

ощутимой компенсации за утрату Польши на Востоке, к которому, как он сказал, “вы имеете естественное тяготение”.

“Но кто вам сказал, сир, что у нас есть планы завоеваний на Востоке? – возразил посл. – Я вас уверяю, что в мыслях императора нет более далекой мысли, чем эта”³².

На этом разговор был окончен. Каждая из сторон осталась при своем мнении.

Линия поведения Будберга получила полное одобрение в Петербурге. “Император рекомендует Вам, мой дорогой барон, держаться занятой Вами позиции – достойной, сдержанной, без какой-либо раздражительности, – писал ему Горчаков в личном письме. – Император Наполеон должен продолжать поддерживать иллюзию относительно наших близких отношений”³³.

Между тем польский вопрос продолжал быть предметом обсуждения на заседаниях французского правительства. По окончании одного из таких заседаний, состоявшегося в середине марта 1863 г., Наполеон, как сообщил позднее Будбергу герцог де Морни, попросил его задержаться. Император поделился с братом своим серьезным беспокойством относительно перспектив отношений с Россией, а затем, как бы рассуждая вслух, сформулировал неожиданное предложение, уверенный, что Морни доведет его до сведения князя Горчакова, с которым состоял в личной переписке. Самое лучшее, что Александр II мог бы сделать для успокоения Европы, сказал Наполеон, это “дать независимость Польше под скипетром одного из членов своей семьи”³⁴. Он имел в виду великого князя Константина Николаевича, чьи либеральные убеждения были ему хорошо известны.

Предложение Наполеона III немедленно было передано в Петербург, где его отвергли самым решительным образом. Идея независимой Польши в какой бы то ни было форме являлась абсолютно неприемлемой для царя. “Подобное разрешение вопроса было отвергнуто Александром II с таким высокомерием, – отмечал профессор А. Дебидур, авторитетный историк европейской дипломатии XIX в., – что Наполеон III, гордость и достоинство которого были в свою очередь уязвлены, внезапно позволил увлечь себя соблазну восстановить Польшу вопреки воле русского императора. Его всегда склонное к самым широким и фантастическим комбинациям воображение породило тотчас же план, осуществление которого коренным образом изменило бы карту Европы”³⁵.

В основе этого поистине фантастического плана лежала идея тесного франко-австрийского союза. Он должен был заменить для Франции союз с Россией, а его центральным пунктом была независимая Польша в новых границах, расширенных, в том числе, и за счет австрийской Галиции, которую еще недавно Наполеон III настойчиво предлагал Александру II. Австрия должна была отказаться и от Венецианской области, которую ей с большим трудом удалось сохранить за собой в результате неудачной для нее австро-франко-сардинской войны 1859 г.

Австрии предлагалась компенсация за счет турецких владений на Адриатическом побережье, а также Силезия, отторгнутая от Пруссии. Кроме того, Франция обещала всемерно содействовать возвращению прежнего господствующего влияния Австрии в Германском союзе. К Турции, по плану Наполеона, переходила часть территории Северного Кавказа³⁶. Самое удивительное – и в Вене не могли не обратить на это внимания, – в плане Наполеона никак не были обозначены интересы и намерения Франции, что само по себе вызывало недоверие. Ни для кого не являлось секретом, что император французов давно мечтает “округлить” границы Франции не только в

³² “Certes” (“безусловно”) написал на полях депеши Александр II.

³³ Горчаков имел в виду распространенное в Европе мнение о сохраняющемся русско-французском согласии. – АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 122, л. 97об. Горчаков – Будбергу, 23 марта 1863 г.

³⁴ Там же, д. 120, л. 110–112об. Будберг – Горчакову, 27 марта 1863 г.

³⁵ Дебидур А. Указ соч., т. II, с. 241.

³⁶ Там же.

Северной Италии, но и по левому берегу Рейна. А это напрямую затрагивало интересы Пруссии и ее союзников в Германии. К тому же попытка реализации плана автоматически означала европейскую войну, на что ослабленная Австрия пойти не могла. “Вена сочла, что новые потрясения в Европе после тех, жертвой которых она стала в 1859 г., нежелательны”, – заметил по этому поводу современный французский исследователь европейской дипломатии XIX в.³⁷

Неодобрительно отнеслись к идее Наполеона и в Лондоне, с которым Вена считала необходимым проконсультироваться на сей счет. Пальмерстон давно желал расстроить хрупкое, но, тем не менее, опасное в его глазах франко-русское согласие и вернуть Францию на путь следования за курсом Великобритании, как это было во времена Луи-Филиппа, накануне и в ходе Крымской войны. Чрезмерная самостоятельность и активность Наполеона III внушала серьезные опасения сент-джеймскому кабинету.

Восстание в Польше дало Пальмерстону долгожданный повод для реализации его намерений в отношении Франции и России. В начале марта 1863 г., предварительно договорившись с Веной, Лондон предложил Парижу совместные трехсторонние действия в защиту восставшей Польши. Наполеон с готовностью устремился в ловушку, устроенную ему Пальмерстоном, тем более что в перспективе предстоявших в конце мая выборов в Законодательный корпус необходимо было дать удовлетворение общественным настроениям, требовавшим разрыва с Россией.

Будберг в начале апреля сообщал в Петербург, что повсюду, где бы на публике ни появлялся Наполеон, парижане встречают его двумя возгласами: “Vive l’Empereur! Vive la Pologne!”. И все же, по мнению посла, “император Наполеон пока еще испытывает некоторые колебания в том, чтобы порвать отношения с Россией”³⁸.

Во время когда Будберг составлял свою депешу, Париж, Лондон и Вена уже завершили согласование совместного демарша по польскому вопросу. В середине апреля послы трех держав в Петербурге получили указания представить Горчакову соответствующие ноты, в которых их правительства настаивали на принятии мер “для предотвращения кровопролития в Польше”³⁹.

Французская нота в отличие от британской, составленной в резких выражениях, была более сдержанной. Акцент в ней делался на том, что польский вопрос с расширением восстания и привлечением значительных сил русской армии для его подавления приобрел общеевропейское звучание и потому нуждается в обсуждении на международном конгрессе.

В сопроводительном письме, адресованном послу в Петербурге герцогу де Монтебелло, Друэн де Люис просил его обратить особое внимание царя и вице-канцлера Горчакова на то, что непрекращающееся в Польше пролитие крови “вызывает всеобщие и глубокие переживания”, что нынешние прискорбные события тюильрийский кабинет не считает случайными и преходящими. Периодические потрясения, происходящие в Польше, – это симптомы застарелой болезни, давно требующей принятия серьезных мер. В письме выражалась надежда, что в Петербурге с пониманием отнесутся к озабоченности французского правительства положением в Польше и согласятся на мирное урегулирование польской проблемы⁴⁰.

В ожидании реакции Александра II на предложение о созыве нового европейского конгресса Наполеон III начал демонстративную игру с общественным мнением, которое требовало оказать польским повстанцам прямую военную помощь. Затеяв эту

³⁷ *Sédouy J.-A. de. Le concert européen. Aux origines de l’Europe (1814–1914). Paris, 2009, p. 345.*

³⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 120, л. 141. Будберг – Горчакову, 8 апреля 1863 г.

³⁹ Французская и британская ноты были вручены Горчакову 17 апреля, австрийская – 19 апреля. Об этом см. *Ревуненков В.Г. Указ соч.*, с. 122, 129–134, 143–144, 237.

⁴⁰ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 59, л. 62–65. Друэн де Люис – Монтебелло, 10 апреля 1863 г.

игру, император французов, помимо прочего, рассчитывал подтолкнуть царя к принятию своего предложения. Путем организации дезинформационных публикаций во французской и иностранной печати он сумел создать впечатление о намерении своего правительства пойти навстречу общественным настроениям, чем вызвал серьезную обеспокоенность в Петербурге. 10 апреля 1863 г. Горчаков шифром телеграфировал Будбергу: “Проверьте, соответствует ли действительности намерение Наполеона просить разрешение на прохождение армии через территорию Германии”⁴¹. На следующий день последовала еще одна шифротелеграмма: “Нас уверяют, что Франция пригласила наиболее влиятельные германские государства присоединиться к демаршам в защиту Польши. Проверьте.”⁴²

Будберг получил указание разъяснить тюильрийскому кабинету, что всякое иностранное вмешательство в польские дела способно их лишь осложнить. Когда Наполеон III будет ссылаться на французское общественное мнение, требующее защитить поляков, говорилось в инструкции Горчакова, посол должен отвечать в том смысле, что император Александр II тоже связан общественным мнением в своей стране, а оно, за исключением отдельных личностей, единодушно высказывается за сохранение Польши в составе Российской империи. Уже по этой причине, не говоря о других, царь не может пойти против воли народа и давних исторических традиций своего государства. “Перед лицом такого единодушия, – отмечалось в инструкции, – любое внешнее вмешательство рассматривалось бы русской нацией как давление, несовместимое с достоинством, суверенитетом и честью страны”⁴³.

О том, что общественное мнение в России поддерживает правительство и его политику в Царстве Польском, сообщал в своих донесениях из Петербурга и герцог де Монтебелло. В обзоре внутреннего положения страны посол Франции отмечал, что одновременно с национальным восстанием в Польше в самой России, в ее поволжских губерниях и в ряде других районов империи происходят крестьянские волнения, но они никак не связаны с польскими событиями. Их причина – претворение в жизнь манифеста 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян. Крестьянские выступления, отмечал Монтебелло, оживили здесь активность “революционной партии”, но все это не способно подорвать единство России. Важнейшим гарантом такого единства, по убеждению посла, является армия, готовая до конца “исполнить свой долг”.

“Ваше превосходительство может быть уверен в том, – подчеркивал Монтебелло в депеше Друэн де Люису, – что в случае войны все классы в России объединятся в едином чувстве патриотизма”⁴⁴.

Думал ли всерьез император французов в 1863 г. о военном столкновении с Россией?

Этим же вопросом задаются и некоторые современные историки Второй империи. “Наполеон всегда симпатизировал польскому делу, – отмечает один из них. – Безусловно, он желал бы видеть польское государство восстановленным. Однако следует ли ради воплощения этого идеала начинать новую европейскую войну? Для того чтобы вмешаться в польские события, существовала только одна возможность – переброска войск через Балтийское море. Но для этого необходима была помощь англичан, которые хотели ограничиться дипломатическим давлением. Тогда Наполеон нашел другое решение – созвать европейский конгресс, как это было сделано на исходе Крымской войны, и навязать России новую карту Европы”⁴⁵.

В действительности Наполеон III всерьез никогда не думал о войне за независимую Польшу. У него не было таких намерений, да и возможностей, если учесть, что

⁴¹ Там же, д. 122, л. 169.

⁴² Там же, л. 173.

⁴³ Там же, д. 121, л. 202–203. Горчаков – Будбергу, 14 апреля 1863 г.

⁴⁴ ААЕ, *Correspondance politique, Russie, 1863, v. 231, fol. 85–86*. Монтебелло – Друэн де Люису, 18 мая 1863 г.

⁴⁵ *Bruyère-Ostells W. Napoléon III et le second Empire. Paris, 2004, p. 166.*

в то время Франция увязла в мексиканской аванюре. К тому же ни Англия, ни Австрия, ни особенно Пруссия не допустили бы развязывания войны в центре Европы, тем более ради спасения восставших поляков. Ведь независимость “русской Польши” неотвратимо поставила бы вопрос о судьбе польских земель, доставшихся по трем разделам Австрии и Пруссии.

Но разговоры о самой вероятности такой войны должны были нервировать Петербург, побуждая его к большей сговорчивости в вопросе созыва нового европейского конгресса. Помимо прочего, император французов шел навстречу общественному мнению накануне важных для него выборов в Законодательный корпус. Как только эти выборы прошли, подтвердив преобладающее положение бонапартистов в парламенте⁴⁶, все разговоры о военной операции в Польше были прекращены, во всяком случае в близких к правительству органах печати.

Будберг в Париже без труда разгадал немудреный замысел императора французов, имитировавшего военные приготовления. Посол докладывал в Петербург, что Франция не располагает достаточными транспортными средствами для переброски войск в Польшу через Балтийское море и может рассчитывать в этом только на содействие Англии. Другой вариант – переброска войск через Германию – неизбежно вызовет опасения соседей Франции относительно ее намерений закрепиться под этим предлогом на берегах Рейна. Что реально способен сделать Наполеон и что он уже делает, отмечал русский посол, так это фактически содействует направлению в Польшу французских волонтеров⁴⁷.

Разумеется, само правительство не занималось набором волонтеров, но оно смотрело сквозь пальцы на то, как это делают французские и польские общественные организации, и не препятствовало отправке волонтеров в охваченную восстанием Польшу.

Уже весной 1863 г. среди взятых в плен повстанцев все чаще стали обнаруживаться французы, преимущественно совсем молодые – 16–18-летние юноши. Об этом Горчаков с неудовольствием сообщал Монтебелло на регулярных встречах. Так, в начале мая вице-канцлер проинформировал посла Франции о том, что под Калишем казачий отряд князя Шаховского взял в плен 36 иностранцев – французов и итальянцев, входивших в “банду” графа де Ноэ, французского подданного⁴⁸.

Монтебелло информировал Париж о таких ставших ему известными фактах и пытался через обращения к князю Горчакову облегчить участь несчастных соотечественников. Объяснения с вице-канцлером на эту тему были не самыми приятными для посла, но он неизменно следовал своему долгу – отстаивать позицию правительства Франции и интересы сограждан, попавших в затруднительное положение.

А в Петербурге у императора шли совещания относительно возможной реакции на совместный демарш Франции, Англии и Австрии. В конечном счете было решено вежливо отклонить ноты трех держав, но обещать амнистию польским повстанцам, если они в предложенный им срок сложат оружие⁴⁹.

Такой ответ не устраивал Наполеона III, пытавшегося показать остальной Европе, что он делает для независимости Польши больше, чем кто-либо другой, а своим подданным – что в своих стараниях он превзошел предыдущего защитника угнетенных поляков, короля Луи-Филиппа. “Независимость королевства (Польши. – *П. Ч.*), по всей видимости, составляет доминирующую мысль Наполеона III и Друэн де Люиса”, –

⁴⁶ На выборах, состоявшихся 31 мая – 1 июня 1863 г., бонапартисты, потеряв по сравнению с предыдущими выборами 160 тыс. голосов избирателей, тем не менее обеспечили себе 251 место в Законодательном корпусе. Оппозиция, утроив свое представительство, получила 32 депутатских мандата. – *Yon J.-C. Le Second Empire. Politique, Société, Culture.* Paris, 2004, p. 60.

⁴⁷ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 118, л. 632–634. Будберг – Горчакову, 15 июня 1863 г.

⁴⁸ ААЕ, *Correspondance politique, Russie*, 1863, v. 231, fol. 64 recto verso – 65, 70 recto – 71. Монтебелло – Друэн де Люису, 18 мая 1863 г.

⁴⁹ История дипломатии, т. 1. М., 1959, с. 706.

констатировал Горчаков⁵⁰. “Французское правительство продолжает свой крестовый дипломатический поход против нас”, – писал он барону Будбергу⁵¹.

Не получив удовлетворения требований, содержащихся в апрельских нотах трех держав, император Наполеон выступил инициатором второго коллективного демарша в адрес России. 17 июня 1863 г. герцог де Монтебелло вручил Горчакову новую ноту по польскому вопросу, составленную в более решительных тонах, чем предыдущая. Одновременно вице-канцлер получил аналогичные ноты от послов Англии и Австрии. В документах содержались шесть основных требований к России: полная и всеобщая амнистия в Польше; созыв там представительного собрания, как это было в ноябре 1815 г.; предоставление Польше местной автономии; обеспечение всех прав католической церкви; введение польского языка в качестве официального в правительственных и судебных учреждениях, а также в системе образования; принятие приемлемой для поляков системы рекрутских наборов⁵².

Получив эти требования, Александр II взял паузу, затянувшуюся на месяц. Он хорошо знал, что между Парижем, Лондоном и Веной нет единства в подходе к польскому вопросу, и занял выжидательную позицию, будучи уверен, что существующие между ними разногласия неизбежно вскроются. Для такой уверенности у царя были серьезные основания. Еще 14 марта 1863 г., т.е. за месяц до апрельского демарша трех держав, он услышал от британского посла лорда Нэпира неожиданное признание. Выразив сожаление относительно беспорядков в Царстве Польском, посол вместе с тем заметил, что протестантская Великобритания не может желать восстановления независимости католической и франкофильской Польши и что религиозные и материальные интересы Британской империи сближают ее позицию в польском вопросе скорее с позицией России и Пруссии, но не восставших поляков. Что касается демонстративного осуждения действий России, то оно, как заверил царя посол, адресовано главным образом английским избирателям⁵³.

Позиция Англии объяснялась просто. Сент-джеймский кабинет был обеспокоен настойчивым желанием Наполеона III пересмотреть договоры 1815 г., а также его амбициозными планами в Мексике. В то же время, выставляя императора французов инициатором антироссийских демаршей, Г.-Дж. Пальмерстон и министр иностранных дел Дж. Рассел пытались расстроить и без того хрупкое согласие между Францией и Россией.

Конфиденциальная информация, полученная от лорда Нэпира, укрепила царя и вице-канцлера в решимости отвергнуть предъявленный России 17 апреля ультиматум.

Ответ на второй демарш был дан через месяц, 13 июля 1863 г., в форме депеш Горчакова российским послам в Париже, Лондоне и Вене с последующей передачей их правительствам трех стран. Ответ был резко отрицательным. Попытки вмешиваться в польские дела извне объявлялись недопустимыми, а все шесть требований решительно отклонялись и, как отмечалось, не подлежали обсуждению.

Передавая полученную от Горчакова депешу Друэн де Люису, барон Будберг объявил французскому министру, что все необходимые свободы и гражданские права в Польше могут быть восстановлены только после подавления восстания, но никак не раньше. Одновременно посол заметил, что “терпимость, проявляемая французским правительством к агитации в пользу поляков, – главная причина продолжающегося восстания”⁵⁴. На это замечание Друэн де Люис, как писал Будберг, “ответил мне в язвительном тоне, что он категорически отвергает всякие подобные инсинуации”, и напомнил, что парижская префектура неоднократно пресекала подрывную деятель-

⁵⁰ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 122, л. 113об. Горчаков – Будбергу, 29 апреля 1863 г.

⁵¹ Там же, л. 129. Горчаков – Будбергу, 3 мая 1863 г.

⁵² Там же, д. 59, л. 73–74. Друэн де Люис – Горчакову, 17 июня 1863 г.

⁵³ См. *Адамов Е.А.* Соед. Штаты в эпоху гражданской войны и Россия. – Красный архив, т. 1 (38). М., 1930, с. 151.

⁵⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 119, л. 11–12об. Будберг – Горчакову, 25 июля 1863 г.

ность польских заговорщиков. В то же время, подчеркнул министр, “французское правительство не могло в сложившихся обстоятельствах открыто идти против общественного мнения, симпатизировавшего польскому делу, но оно ни в коей мере не поощряло поляков; напротив, правительство делало все для того, чтобы их успокоить”⁵⁵. В завершение беседы Друэн де Люис напомнил русскому послу, что польский вопрос приобрел международное звучание не в результате действий Франции, а после подписания Россией и Пруссией 8 февраля известной конвенции⁵⁶.

Прямым следствием антироссийских демаршей Франции, Англии и Австрии, породивших у поляков иллюзии в успехе дипломатического давления на Россию, стал отказ повстанцев от предложенной им амнистии в обмен на прекращение вооруженного сопротивления. Летом 1863 г. восстание разгорелось с новой силой, вызвав расширение и ужесточение репрессий в Царстве Польском. В этих условиях, получив из Петербурга категорический отказ удовлетворить их требования, Франция и Англия попытались усилить давление на Россию. Монтебелло и лорд Нэпир делали Горчакову все более угрожающие представления, на которые всякий раз получали элегантно оформленные, но решительные по смыслу ответы: Россия не намерена обсуждать с кем-либо положение в Польше.

В резко обострившейся обстановке Пальмерстон и Рассел хотели бы предоставить Наполеону III сомнительную честь инициатора дипломатического разрыва с Александром II, но император французов проявил в данном случае осмотрительность. Будберг передал в Петербург одно из высказываний Наполеона III на этот счет: “Будьте уверены, что я не сделаю здесь ничего без Англии и Австрии”⁵⁷.

На исходе лета 1863 г. Будберг констатировал, что обсуждение польской проблемы с Наполеоном и его министрами окончательно зашло в тупик, отражая возросшую напряженность в отношениях между Россией и Францией⁵⁸.

Между тем польская эмиграция во Франции всеми доступными способами поощряла антирусский настрой французского правительства. Один из лидеров польских эмигрантов, князь Владислав Чарторыйский писал 23 сентября 1863 г. Друэн де Люису: “Благодаря инициативе французского правительства голос Польши, борющейся за свободу и независимость, был услышан европейскими правительствами”⁵⁹. Любопытно, что министр посчитал необходимым переслать копию этого письма в Петербург, герцогу де Монтебелло.

Французский посол внимательно отслеживал борьбу группировок в окружении царя по польскому вопросу. Он констатировал падение влияния либералов во главе с великим князем Константином Николаевичем. Именно на него, как на наместника в Царстве Польском, консервативная партия возлагала ответственность за восстание поляков, ставшее возможным вследствие недопустимой слабости, проявленной великим князем в Польше⁶⁰.

В конечном счете, как сообщал в Париж Монтебелло, противникам великого князя удалось добиться его отставки с поста наместника в Польше, где было покончено с либеральными экспериментами⁶¹.

Будберг со своей стороны информировал Петербург о том, что французская дипломатия может отказаться от прежде согласованных с Россией действий на Востоке и

⁵⁵ Там же, л. 13–13об.

⁵⁶ Там же, л. 13об.

⁵⁷ Там же, л. 124об. Будберг – Горчакову, 17 августа 1863 г.

⁵⁸ Там же, л. 125об. – 126.

⁵⁹ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1863, v. 232, fol. 145–146 verso.

⁶⁰ Ibid., v. 231, fol. 191–202. Деша Монтебелло министру иностранных дел от 18 июля 1863 г.

⁶¹ Ibid., v. 232, fol. 98–101. Монтебелло – Друэн де Люису, 4 сентября 1863 г. Официально великий князь Константин Николаевич был освобожден от обязанностей наместника в Царстве Польском 19 октября 1863 г.

вернуться к антироссийской политике, характерной для начала 1850-х годов. В одной из депеш он процитировал Наполеона III, сказавшего по этому поводу: “В политике России восточные дела имеют первостепенное значение, но ей нужен союз с Францией, так как она не сможет найти здесь общий язык ни с Англией, ни с Австрией”⁶². Это могло означать, что условием дальнейшей поддержки интересов России на Востоке император французов считал ее уступки в Польше.

Очевидный кризис в отношениях между Францией и Россией попытался преодолеть герцог де Морни, стоявший у истоков франко-русского соглашения в 1856–1857 гг. Председатель Законодательного корпуса, он, как сообщал в Петербург барон Будберг, настойчиво внушал своему сводному брату ошибочность курса, проводимого Друэн де Люисом, и настаивал на замене министра иностранных дел. Чрезмерный полонифильский крен в политике Франции, по мнению Морни, был опасен как для национальных интересов Франции, так и для правящей династии, у которой, по его словам, “во всей Европе имеется лишь один искренний союзник – Россия”. Это основополагающее соображение должно было доминировать над всеми другими, второстепенными. “Друэн де Люис, – настаивал Морни перед императором Наполеоном, – это адвокат, который ради произнесения яркой защитительной речи, способен забыть об интересах своего клиента”. А эти интересы, добавил Морни, требуют сохранения и укрепления отношений с Россией, а не их разрушения, чем занимается нынешний министр иностранных дел⁶³.

Наполеон, как сообщал Будберг со слов Морни, стал защищать своего министра: якобы тот пытается совместить заботу о сохранении добрых отношений с Россией с очевидными симпатиями французского общества к Польше. Император подчеркнул, что он и сам желает поддерживать добрые отношения с царем, но вынужден прежде всего считаться с общественным мнением у себя в стране. Из тех же самых побуждений действует и его министр иностранных дел, заметил Наполеон.

Морни возразил на этот довод. Любой другой министр, сказал он, “в течение двух месяцев” нашел бы выход из существующего противоречия, но не вел бы дело к войне, как это безответственно делает Друэн де Люис.

Наполеон заверил брата, что он никогда не решился бы на войну без участия в ней Англии и Австрии, но что он продолжает настаивать на европейском характере польской проблемы, требующей коллективного обсуждения. Однако в любом случае, заявил император, он не позволит втянуть себя в какую бы то ни было авантюру из-за Польши.

Непримиримость Александра II в польском вопросе побудила Наполеона III действовать иначе, отказавшись от прямого (и безуспешного) давления на царя. В августе 1863 г. он вернулся к идее европейского конгресса, попытавшись увлечь Александра II перспективой отмены на нем тех статей Парижского мира 1856 г., которые запрещали России держать военный флот на Черном море. В предложении Наполеона заключался и скрытый смысл – пересмотреть на конгрессе дискриминационные для Франции условия Венского договора 1815 г., добиться расширения ее границы на востоке по левому берегу Рейна. Россия нужна была императору французов как влиятельная общница в ревизии договора 1815 г.

Что касается пересмотра договора 1856 г., в чем кровно была заинтересована Россия, то Наполеон III надеялся и на этот раз обмануть Александра II. Он не мог не сознавать, что попытка пересмотра договора 1856 г. натолкнется на сопротивление Англии и Австрии, и в этом случае Франция ограничится тем, что демонстративно выразит России свое сожаление. Зато в ходе конгресса французский представитель мог бы попытаться поставить на обсуждение польский вопрос, и даже в случае неудачи

⁶² АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 120, л. 326. Будберг – Горчакову, 10 сентября 1863 г.

⁶³ Полный текст депеши Будберга см. АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 119, л. 270–276об. Будберг – Горчакову, 14 октября 1863 г.

Франция подтвердила бы свою репутацию самоотверженной защитницы угнетенных поляков.

Исходя из указанных соображений и расчетов, Наполеон III 4 ноября 1863 г. обратился к руководителям европейских держав с приглашением направить на конгресс в Париж своих представителей. На следующий день, выступая на открытии сессии Законодательного корпуса, император дал обоснование своим намерениям относительно предложенного им конгресса. “Договоры 1815 г. перестали существовать, – заявил Наполеон. – Силой обстоятельств они уже отвергнуты почти повсеместно – в Греции, в Бельгии, во Франции и в Италии, как и в Дунайском регионе. В пользу их изменения действует Германия. Англия меняет их, уступив Ионические острова. Россия попирает их в Варшаве... Наберемся мужества для того, чтобы заменить болезненное и непрочное состояние (Европы. – П. Ч.) на здоровое и устойчивое... Объединимся же без себялюбивых устремлений, вдохновляясь исключительно заботой об установлении такого порядка вещей, который основывался бы на правильно понятом интересе государей и народов”⁶⁴.

Идея конгресса была поддержана несколькими европейскими государствами. На предложение Франции сразу же откликнулись Бельгия, Греция, Дания, Италия, Испания, Португалия, Турция, Швейцария и Швеция. Иначе отнеслись к затее Наполеона в Англии. Британский премьер Пальмерстон и министр иностранных дел Рассел усмотрели в ней потенциальную угрозу для британских интересов на Черном и Средиземном морях, где Россия могла бы восстановить свое военное присутствие. Они не исключали и того, что непредсказуемый в своих действиях Наполеон III может вернуться к политике сближения с Россией в обмен на поддержку его требований испрavit “несправедливые” восточные границы Франции.

Усиления России не желали и в Вене, опасаясь за австрийские интересы на Балканах. Кроме того, И.Б. фон Рехберг и А. фон Шмерлинг, самые влиятельные министры в кабинете императора Франца-Иосифа, помнили о недавнем единении России и Франции, которое так дорого обошлось Австрии. Тем не менее Вена, преодолев колебания, согласилась прислать своего представителя на конгресс.

С оговорками французское предложение поддержал и Бисмарк, подлинный творец и проводник внешней политики Пруссии.

Горчаков, разгадавший скрытые мотивы действий Наполеона, посоветовал Александру II не спешить с ответом на предложение императора французов⁶⁵. Догадки вице-канцлера в полной мере оправдались.

На этот раз отказ на свое предложение Наполеон III получил вовсе не из Петербурга, к чему был готов, а из Лондона, откуда меньше всего ожидал. Пальмерстон и Рассел не стали искушать судьбу. 12 ноября 1863 г. лорд Рассел запросил у Друэн де Люиса дополнительных разъяснений относительно повестки дня предполагаемого конгресса. Получив и изучив эти разъяснения, Форин оффис 25 ноября предельно кратко проинформировал Кэ д’Орсэ о следующем: “Ее Величество, следуя своим убеждениям и после серьезных размышлений, сочла невозможным принять приглашение Его Императорского Величества”⁶⁶. Для придания большей гласности позиции Великобритании составленный лордом Расселом ответ был опубликован в газете “Таймс”.

⁶⁴ Цит. по: *Sédouy J.-A.* Op. cit., p. 347.

⁶⁵ Россия одной из последних согласилась участвовать в конгрессе. В личном письме император Александр обратил внимание Наполеона III на необходимость участия в конгрессе всех европейских держав. “Я полагаю необходимым, – добавил царь, – чтобы ваше величество благоволили точно указать вопросы, которые, по вашему мнению, должны бы послужить предметом соглашения и основанием, на котором это соглашение могло бы установиться. Во всяком случае, я могу удостоверить вас, что цель, к которой вы стремитесь – без потрясений достигнуть умиротворения Европы, встретит во мне живейшее сочувствие”. – Цит. по: *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006, с. 390.

⁶⁶ Цит. по: *Sédouy J.-A.* Op. cit., p. 347.

Неожиданное британское вето поставило крест на “великом замысле” императора французов. Без участия Англии конгресс становился бессмысленным. “Идея конгресса, предложенного мною великим державам, не была понята, как я бы того желал, – сокрушенно констатировал Наполеон”⁶⁷.

Провал инициативы Наполеона III вызвал заметное охлаждение между Парижем и Лондоном. Император французов начал уже подумывать о том, как бы восстановить отношения с Александром II, тем более что восстание в Польше к концу 1863 г. пошло на спад. Было ясно, что в самое ближайшее время последние его очаги будут погашены⁶⁸. “Все мои симпатии и все мои убеждения естественным образом влекли меня к налаживанию союзных отношений с Россией, – признался Наполеон. – И вдруг между мною и императором Александром встал этот злополучный польский вопрос, вызвав если не ссору, то серьезное охлаждение в наших отношениях. Если бы в результате каких-нибудь комбинаций удалось закрыть этот вопрос, мы могли бы договориться по всем другим делам. Если же решение (польского. – П. Ч.) вопроса затянется, то сближение станет невозможным”⁶⁹.

С подавлением весной 1864 г. восстания в Польше французскому правительству оставалось лишь позаботиться о сотнях новых польских беженцев, искавших пристанище во Франции. Эмиграция была деморализована. В ее рядах усилились брожение и внутренняя борьба между различными организациями и группировками. Советник российского посольства в Париже В.Н. Чичерин в сентябре 1864 г. сообщал Горчакову о “полной дезорганизации” в рядах польской эмиграции⁷⁰.

В целях дальнейшего ее разложения посольство запросило у министра иностранных дел дополнительные субсидии (200 тыс. франков) на подкуп редакторов двух парижских газет – “Nation” и “Nord”, согласившихся публиковать статьи с оправданием политики России в Польше⁷¹. Запрошенная сумма была выделена, но с предупреждением о недопустимости превышения расходов.

После неудачи с созывом конгресса и последующим “умиротворением” Польши Наполеон III, как свидетельствовал барон Будберг, неоднократно высказывал ему свое сожаление в связи с охлаждением отношений с Россией.

Позиция Наполеона III во время бурных событий в Польше привела к тому, что и Горчаков, а возможно, и Александр II сделали для себя один важный вывод. Вице-канцлер, наверное, впервые в полной мере осознал, насколько правитель может зависеть в своих действиях от общественного мнения. Разумеется, этот вывод ни для Горчакова, ни тем более для царя никак не распространялся на Россию. Вместе с тем понимание того, что император французов находился под сильнейшим давлением общества, требовавшего от него оказать всю возможную помощь восставшей Польше, и потому вынужденный делать то, чего он мог и не желать, облегчило в дальнейшем некоторую нормализацию отношений Петербурга с Парижем⁷².

Со своей стороны Наполеон III, уязвленный поведением Англии, провалившей его проект европейского конгресса и вместе с ним похоронившей надежды на полную ликвидацию Венского договора 1815 г., предпринимал настойчивые попытки восстановить прежние доверительные отношения с Россией.

⁶⁷ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 119, л. 444об. Из записки барона Будберга от 3 декабря 1863 г. с пометой “совершенно секретно”.

⁶⁸ Восстание окончательно было подавлено к маю 1864 г. По официальным данным, повстанцы потеряли примерно 30 тыс. убитыми, ранеными и захваченными в плен; потери русских войск составили чуть более 3300 человек. – localhost/C:/Documents%20and%20Settings/1234/Польское%20восстание%20(1863)%20-%20Википедия.mht.

⁶⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., д. 119, л. 445об.

⁷⁰ Там же, 1864 г., д. 114, л. 566. Чичерин – Горчакову, 17 сентября 1864 г.

⁷¹ Там же, 1863 г., д. 120. Чичерин – Вестману, 8 декабря 1863 г.

⁷² Определенные свидетельства такого понимания можно обнаружить в отчете министерства иностранных дел за 1863 г., который Горчаков в марте 1864 г. представил Александру II. – АВПРИ, ф. 137, оп. 475, Отчет МИД за 1863 г., д. 51, л. 54об. – 55.

В том, что ресурсы русско-французского сотрудничества окончательно не исчерпаны, настойчиво убеждал царя и барон Будберг, успевший за год с небольшим своего пребывания по посольском посту в Париже превратиться из пруссофила, каким всегда слыл, в последовательного сторонника сближения с Францией.

Однако Горчаков продолжал сохранять бдительность, помня о революционном происхождении бонапартистского режима и непредсказуемости императора французов⁷³. Основополагающие интересы России, по убеждению вице-канцлера, полностью разделяемому императором, диктовали ей “сближение с правительствами, которые, как и мы, больше рискуют потерять, чем выиграть от революций”⁷⁴. Здесь Горчаков имел в виду прежде всего Пруссию.

Таким образом, польское восстание 1863 г., недвусмысленно поддержанное Францией, стало тем испытанием, которого не выдержала политика российско-французского сближения, проводившаяся Петербургом и Парижем начиная с Парижского конгресса 1856 г. В 1863 г. Александр II всерьез усомнился в надежности французского партнера, каким пытался выглядеть в его глазах Наполеон III. Именно с этого времени Россия в своей внешней политике стала переориентироваться на Пруссию, что в дальнейшем имело самые пагубные последствия для Франции.

⁷³ Там же, л. 56об. – 57.

⁷⁴ Там же, л. 143–143об.